

О КАВКАЗСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ НЕВЕСТКИ¹

Характерная особенность кавказских обозначений невестки заключается в том, что на фоне иногда встречающихся их описательных форм типа 'жена сына' здесь решительно господствуют лексемы, имеющие, по всей вероятности, единое происхождение. Они образуют один из элементов межкавказского, по определению В.И. Абаева, лексического фонда, сформировавшегося в регионе в течение веков в процессе диффузии далеко не гомогенного материала. Хотя рассматриваемая в настоящей статье лексическая изоглосса характеризуется очевидным северокавказским центром тяготения, она так или иначе затрагивает все семь автохтонных языков Кавказа – абхазско-адыгскую (ср. адыгейск., каб. *nəsa*), нахско-дагестанскую (чечен, инг., бацб. *nus*, авар. *nus, nusa(j), nuse*, анд., карат., тинд., чам., багв., годоб. *nusa*, ботл. *nusaj*, ахв. *nuša*, арчин. *nusttu(r)*, чираг. *nusse*), а также картвельскую (мегр. *nosa, nisa*, лаз. *nusa, nisa*). В некоторых из кавказских языков аналогии этих форм в настоящее время отсутствуют, однако они прослеживаются по композитам (ср. дарг. *nusqari* 'кукла', груз. *nusadia* 'жена дяди').

Конечно, некоторая специфика функционирования слова в ряде языков неоспорима. Так, в адыгском ареале оно располагает, по крайней мере, пятью производными, в нахском – двумя-тремя и, во всяком случае, по одному оно имеет в некоторых из андийских языков. В последних лексеме присуща и несколько более широкая семантика, поскольку она обозначает здесь также зятя (аналогичная картина наблюдается и в ряде аварских диалектов, а также в арчинском). Наконец, особенностью картвельского звена нашей изоглоссы является вариативность вокализма первого слога занских форм. Тем не менее далеко идущее фонетическое и семантическое единство приведенного материала остается достаточно очевидным.

Нетрудно привести и несколько аргументов, свидетельствующих в пользу его неисконности. Так, прежде всего бросается в глаза, что явное единство рассматриваемых слов сочетается с их принадлежностью к номенклатуре свойства, складывающейся по отдельным семьям кавказских языков в очень позднюю историческую эпоху (как известно, подобного единства не наблюдается даже в терминологии родства, имеющей здесь несравнимо более ранние истоки). На фоне остальных, этимологически прозрачных или просто описательных образований, составляющих основу этой номенклатуры и в современных северокавказских языках, обозначения невестки оказываются в едином ряду с заимствованиями типа лакск. *kujaw* 'зять' или табас.

* © Г.А. Климов

bažanag 'своак'. Весьма существенно и то обстоятельство, что в некоторых из дагестанских языков лексема склоняется по деклинационному типу, характерному для неисконного материала. Естественно поэтому, что сформулированные в кавказоведении гипотезы ее происхождения апеллируют к фактору заимствования (мы не касаемся здесь оставленной современной наукой точки зрения И.А. Джавахишвили, странным образом не учитывавшего в этом случае севернокавказский материал и предполагавшего, что занские факты являются исконно картвельскими и характеризуются классным показателем *n-*)².

С одной стороны, еще в самом начале XX столетия А. Погодиным было высказано мнение, согласно которому авар. *nusa* "находится в связи с и.-е. *snusā-* (ср. санскр. *snuṣā-*, откуда, вероятно, и совершенно заимствование)"³. С другой стороны, несколькими годами позже А. Дирр сопоставил основу арчинского *nus-ttu(r)* с загадочным араб. *nus*, имея в виду, по-видимому, араб. *nisā'un* 'женщины' (имя собирательное)⁴. Последнее сопоставление, уступающее первому, во всяком случае, в плане семантики, по существу не получило поддержки в истории науки (одно из немногочисленных исключений составило высказывание А.С. Чикобава, предполагавшего арабское происхождение лексем без указания на его конкретный источник⁵). Напротив, мысль о ее индоевропейских истоках быстро завосвала признание. Например, А.Н. Генко, учитывавший уже большую часть упомянутых выше форм, с которыми он впервые непосредственно сопоставил осет. *nostæ* 'невестка', заключал, что этот материал ставит "сложную проблему" общекавказских и общеиндоевропейских взаимоотношений⁶. Согласно осторожному высказыванию Г. Фогта, соответствующие картвельские лексеммы напоминают арм. *ни* 'невестка' и другие сходные индоевропейские формы⁷ (позднее Г. Зольта подчеркнул, что они не могут зависеть непосредственно от армянского источника⁸). Т.В. Гамкрелидзе считает, что картвельское звено рассматриваемой изоглоссы является по своему происхождению индоевропейским⁹. То же утверждает В.И. Абаев, отмечающий, что "созвучие кавказских и индоевропейских форм едва ли случайно" и "основано на древних кавказско-индоевропейских связях" (Абаев II, 190)¹⁰. Еще более определенным образом высказывается в этом плане О.Н. Трубачев, находящий, что древность соответствующих индоевропейских форм, в том числе близких к Кавказу географически индоиранских языков, "делает вероятным заимствование кавказских слов из индоевропейского источника"¹¹. Наконец, М.К. Андроникашвили прямо указывает, что эти лексеммы явно иранского происхождения¹².

Действительно, иранская этимология нашего материала может быть аргументирована в настоящее время с высокой степенью конкретности. Сейчас следует признать, что обращение к хорошо известному индоевропейскому обозначению невестки **snuso-s* ставит этимологический поиск на надежную почву. Ранняя фонетическая предыстория кавказского материала оказывается подчиненной строгим закономерностям

развития, если в качестве одной из его ступеней будет принято индоиранское **snušā-*, отражающее регулярные преобразования архетипа – сдвиг вокализма *o > a*, а также переход *s > š* в позиции после *u*. Еще более существенно то обстоятельство, что последующая история рассматриваемого здесь материала подчиняется закономерностям исторической фонетики осетинского языка: как известно, в отличие от остальных иранских языков именно для осетинского характерна утрата анлаутного *s* в консонантном комплексе, а затем и сдвиг шипящего согласного в свистящий (слабый шипящий спирант ахвахской формы слова, отнюдь не архаизм, как это могло бы показаться взгляду со стороны, а результат позднейшего регулярного для этого языка фонетического развития¹³). Таким образом, предыстория нашего слова может быть схематически представлена следующим образом: и.-е. **snusos* > индоиранск. **snuša-* > алан. **nuša-* > **nusa-*.

В свете сказанного естественно прийти к заключению, что кавказские формы воспроизводят старый облик современного осетинского (дигорского) *nostæ* ‘невестка’, характеризующегося, согласно В.И. Абаеву, словообразовательным суффиксом *-tæ*, встречающимся и в нескольких других лексемах, и вокализм которого оказывается уподобленным осетинскому обозначению молодой женщины (Абаев II, 190)¹⁴. По мнению некоторых дагестановедов, к этому же источнику могут восходить и формы ряда лезгинских языков (ср. цахур. *sos*, табас., агул., рутул. *sus*, лезг. *swas* ‘невестка’), предполагающие иную историю начальной консонантной группы – утрату в ней не *s*, а *n*¹⁵. Однако, для них, во всяком случае, уже не приходится говорить об осетинском источнике.

Касаясь семантической истории рассматриваемых форм, следует заметить, что, как уже говорилось выше в индийских языках они расширили свой объем, служа также обозначением зятя (аналогичный факт зафиксирован и в некоторых из аварских диалектов¹⁶). В ряде других случаев вслед за расширением семантики лексемы происходит, по-видимому, и некоторое формальное взаимное отталкивание материала: ср., например, анд. *nuso* ‘зять’ при *nusa* ‘невестка’, авар. *nuc* ‘зять’ при *nus* ‘невестка’, чечен. *nuc* ‘зять, жених’ при *nus* ‘невестка’ (в обоих вейнахских языках последняя лексема может ныне обозначать и вообще жену родственника¹⁷).

Конкретные пути формирования изоглоссы в ареале автохтонных языков Кавказа еще предстоит изучить. Тем не менее, в настоящее время естественно предположить, что лишь в части случаев лексема могла быть усвоена непосредственно из осетинского источника. По-видимому, именно таким образом она должна была проникнуть в соседствующие адыгские, а также нахские языки, которые, как известно, наслаивались на исторический субстрат в центральной части Северного Кавказа. О ее прочной позиции в словарном фонде этих языков говорит то, что она лежит здесь в основе нескольких производных¹⁸. Проникновение слова в западно-картвельский ареал скорее всего предполагает

адыгское посредство, о чем может свидетельствовать варьирование вокализма его первого слога *i ~ o/lu*, способное отражать в соответствии с закономерностями исторической фонетики обоих языков адыгское "иррациональное" *ə* (уместно заметить, что в лазском встречается и позднейшее, возможно, соотносящееся уже с мухаджирской эпохой, адыгское заимствование *nusaya // nisaqa* 'жена деверя', восходящее к адыг. *nəsayw* той же семантики, в котором к нашей основе присоединен продуктивный деривационный аффикс *-ɣw*¹⁹).

Во множестве дагестанских языков, во всяком случае из числа андийских, слово считается приобретенным уже через аварское посредство²⁰. В последней связи кажется показательным то обстоятельство, что в цезской ветви дагестанских языков, исторические контакты которой с аварскими диалектами всегда были более ограниченными, наше слово остается фактически неизвестным (если не считать зафиксированого в части из них *durs(a)* 'зять'). В этом же плане может быть истолковано отсутствие лексемы в географически наиболее далеко отстоящем лезгинском ареале (исключение здесь составляет разделяющий рассматриваемую изоглоссу арчинский, оторванный от основного массива лезгинских и в то же время сохраняющий соприкосновение с аварскими диалектами).

В условиях отсутствия у народов Северного Кавказа сколько-нибудь давней письменной традиции на своих языках, наибольшие трудности связаны с определением хронологии заимствования осетинской лексемы. Некоторые ориентиры в решении этой задачи способна предоставить существующая в кавказской ареальной лингвистике стратификация картвельских аланизмов. Так, в плане определения *terminus post quem* естественно опереться на более ранние аланизмы, которые еще сохраняют исторические шипящие спиранты на месте одной серии современных осетинских свистящих. Ср., например, сван *šged* 'северный склон горы, лес' при осет. *sægæt* 'северный склон горы' или груз. *šav* 'черный' при осет. *sæv* то же. Естественно предположить, при этом, что наиболее ранние сванские аланизмы, сохраняющие шипящие спиранты (в настоящее время известно не менее десятка подобных примеров), должны были быть усвоенными еще в эпоху отраженных в сванском фольклоре непосредственных сванско-осетинских контактов, нарушенных, по-видимому, уже во второй четверти XIII столетия монгольской экспансией, существенно изменившей лингвистический ландшафт севернокавказского региона. Вместе с тем, производное от рассматриваемого слова груз. *nusadia* 'жена дяди' впервые засвидетельствовано на рубеже XVI и XVII столетий в толковом словаре грузинского языка Сулхана Саба Орбелиани²¹.

Таким образом, как будто устанавливаются пределы эпохи, в течение которой в осетинском языке было положено начало процессу ассимиляции *š > s*. К этой эпохе, охватывавшей и период расцвета феодальных отношений в Кабарде, могут восходить и некоторые другие адыгские заимствования в картвельских языках (не видно каких-

либо оснований усматривать особую связь мегрельского и лазского обозначений невестки со "старым балканским словом" той же семантики, как это делает В. Полак²²). В свете сказанного естественно полагать, что и в северокавказском регионе наша лексема стала распространяться в период, когда в осетинском было положено начало ассимиляции *ǰ*. Во всяком случае достаточная давность ее бытования в адыгских и нахских языках подтверждается фактом возникновения на ее основе словообразовательного гнезда. Заслуживает внимания, наконец, и вопрос о возможных социальных предпосылках становления рассматриваемой изоглоссы на Кавказе. В.И. Абаев, видимо, не без оснований находит, что наша лексема входит в состав межкавказского лексического фонда, отражающего единую этническую культуру региона²³. Не исключено, что за ней может стоять и некоторая конкретная практика исторических взаимоотношений народов Кавказа.

Примечания

- ¹ В основу настоящей заметки положен доклад, зачитанный автором на 1-ом Международном конгрессе диалектологов и геолингвистов в Будапеште. Тезисы доклада опубликованы: *Klimov G. On Caucasian designations of fiancée (material for question 470 of ALE) // The First International Congress of Dialectologists and Geolinguists. Abstracts of Scholarly Papers. Budapest, 1993, 56–57.*
- ² *Джавихишили И.А.* Введение в историю грузинского народа. Т. II. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937, 183 (на груз. яз.).
- ³ *Погодин А.К.* К вопросу о влиянии индоевропейских языков на кавказские // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 31, отд. 4. Тифлис, 1902, 55.
- ⁴ *Дирр А.М.* Арчинский язык. Грамматический очерк, тексты, сборник арчинских слов с русским к нему указателем // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 39, отд. 3. Тифлис, 1908, 171.
- ⁵ *Чикобава Ари.* Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, 39 (на груз. яз.). Минимумом определенности отличается высказывание К. Боуда о происхождении слова из "исламских культурных языков". Ср. *Bouda K. Beiträge zur etymologischen Erforschung des Georgischen // Lingua, 1950, vol. II, 3, 298.* Критический анализ точки зрения А.С. Чикобава см.: *Андроникашвили М.К.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, I. Тбилиси, 1966, 10 (на груз. яз.).
- ⁶ *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, 5. 1930, 725.
- ⁷ *Vogt H.* Arménien et caucasique du sud // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Bind IX, 1938, 338.
- ⁸ *Solta G.R.* Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Eine Untersuchung der indogermanischen Bestandteile des armenischen Wortschatzes. Wien, 1960, 195.
- ⁹ *Гамкрелидзе Т.В.* Сибилитные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959, 60–61 (на груз. яз.).
- ¹⁰ Ср. также: *Гудава Т.Е.* Консонантизм индийских языков. Историко-сравнительный анализ. Тбилиси, 1964, 100.
- ¹¹ *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства. М., 1959, 132.
- ¹² *Андроникашвили М.К.* Указ. соч., 101.
- ¹³ Ср.: *Гудава Т.Е.* Указ. соч., 83 и 173.
- ¹⁴ См. также: *Hübschmann H.* Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache. Strassburg, 1887, 52.

- ¹⁵ *Schulze-Fürhoff W.* How can class markers petrify? Towards a functional diachrony of morphological subsystems in the East Caucasian Languages of the USSR. Linguistic Studies. New Series. Chicago, 1992, 232.
- ¹⁶ *Гудава Т.Е.* Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси, 1979, 100.
- ¹⁷ *Алироев И.Ю.* Нахские языки и культура. Грозный, 1978, 86.
- ¹⁸ *Балкаров Б.Х.* Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965, 17. Мнение о зависимости адыгских лексем от осетинского источника см., например: *Басиева С.М.* К вопросу об осетинских заимствованиях в адыгейских языках // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977, 268.
- ¹⁹ *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А–Н. М., 1977, 288. Автор замечает, что убыхское *nəsaŋ* ‘жена деверя’ также усвоено из адыгского источника.
- ²⁰ *Саидова П.А.* Терминология родства и свойства в аваро-андийских языках // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков. Термины родства и свойства. Махачкала, 1985, 18. Ср. также: *Гисанова А.М.* Термины родства и свойства в ботлихском, годоберинском и андийском языках // Там же, 48.
- ²¹ *Орбелиани Сулхан Саба.* Сочинения. Т. IV, 1. Тбилиси, 1965, 600 (на груз. яз.).
- ²² *Polák V.* Les éléments caucasien en albanais // Orbis. Т. XVI. № 1. 1967, 138.
- ²³ *Абаев В.И.* Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка (лингвистическое введение в историю осетинского народа) // *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л., 1949, 89–90.